

От редакции

Дорогие читатели НЛО!

В социальных и гуманитарных науках под **«аффективным поворотом»**, который начался несколько десятилетий назад¹, чаще всего понимают обращение широкого ряда исследований к чувственным, иррациональным, личным и сокровенным аспектам жизни человека. Приверженцы «аффективного поворота» противопоставляют его лингвистическому повороту и смещают фокус внимания с языка и сознания на тело и, в частности, сердце — место, которому традиционно приписывались душевные страсти и переживания. «Аффективный поворот» позволяет мыслить культуру не как исключительно осознанную и целенаправленную деятельность; на волне поворота к аффекту ее многообразие расширяется за счет включения новых форм, агентов, измерений, условий и обстоятельств, в том числе продиктованных ситуативно. «Аффективный поворот» продолжается до сих пор и только набирает обороты.

Не существует единого определения аффекта, и тем более обретает привлекательность аффективное как недискурсивное, невербальное, алогичное и непредставимое. Но, с другой стороны, при таком концептуальном плюрализме размываются границы между аффектом, чувством, эмоцией, настроением, страстью, сентиментом, переживанием, ощущением и пр., так что, например, между «аффективным» и «эмоциональным поворотом» нередко ставится знак равенства, и это может приводить к заблуждению.

---

1 Начало аффективного поворота чаще всего связывают с публикацией двух знаковых работ — «Автономия аффекта» Брайана Массуми и «Стыд в кибернетической складке: читая Сильвана Томкинса» Ив Кософски Седжвик и Адама Франка, — в которых аффект рассматривался с позиций постделеззианской философии и деконструктивизма соответственно. С середины 1990-х интерес исследователей к аффективному измерению жизни человека стал только расти. См., например: *The Affect Theory Reader* / Ed. by M. Gregg, G.J. Seigworth. Durham; London: Duke University Press, 2010; *The Affective Turn: Theorizing the Social* / Ed. by P.T. Clough, with J. Halley; foreword by M. Hardt. Durham; London: Duke University Press, 2007.

Эмоции гораздо лучше знакомы русскоязычному читателю благодаря работам Люсьена Февра, Барбары Розенвейн, Яна Плампера, Андрея Зорина и многих других. В «Новом литературном обозрении» вышло более 20 книг, посвященных культурной истории эмоций². Однако в исторических интерпретациях конкретных эмоций часто упускается из виду, что же такое эмоция вообще, какую роль она играет в системе восприятия и какие нормативные функции за ней закреплены. В соответствии с уже классическим определением Эрика Шоуза, эмоции являются *социальным* отражением чувств³. Выражение одних эмоций и сокрытие других позволяет создавать и поддерживать отношения внутри общества на основе внутреннего состояния индивидов, сочувствия между людьми и отторжения тех, кто чувствует «неправильно».

Что же такое аффект? Этимологически он восходит к латинскому *adficere*, что буквально переводится как *воздействовать* на что-то. С середины 1990-х годов понятие аффекта активно развивается в феноменологии и постделезеанской философии. Одним из ярких представителей последней по праву можно считать Брайана Массуми, который в 1987 году на страницах своего переводческого предисловия к «Тысяче плато» Делёза и Гваттари определил аффект как «доличностную интенсивность, соответствующую переходу от одного ощущаемого состояния тела к другому и подразумевающую увеличение или уменьшение способности этого тела действовать»⁴, то есть изменяться, в том числе в своем чувственном состоянии и восприятии, под воздействием внешнего мира. Из этого следует, что аффект телесен (поскольку ощущается телами в форме психофизиологического «раздражения») и в то же время автономен, он бросает вызов субъект-объектной дифференциации, и все те, кто способен воспринимать аффект, уравниваются в своей способности чувствовать. На другие черты аффекта, его анонимность и внеположность, обращает внимание один из крупнейших ныне живущих феноменологов Бернхард Вальденфельс. Аффект, по Вальденфельсу, выражается в затронутости Я чем-то внешним, чуждым, что приводит к чувственному «раздражению» (*Affektion*) различных нормативных порядков, смещению или расширению их границ. Посредством аффекта Я обнаруживает или, говоря более чувственным языком, испытывает новое, начинает ощущать себя иначе и вместе

-
- 2 См., например: Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. 2010; Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. 2022; Сквозь слезы. Русская эмоциональная культура / Сост. К. Богданов. 2023; Розенвейн Б. Любовь. История в пяти фантазиях. 2023; Плампер Я. История эмоций. 2024; Зорин А. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. 2024; Аксенов В. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). 2024; Булдаков В. Страсти революции. Эмоциональная стихия 1917 года. 2024; Боддис Р. Познавая боль. История ощущений, эмоций и опыта. 2024; Мельхиор-Бонне С. Обратная сторона любви. История расставаний. 2024; Винсент Д. История одиночества. 2024; Вигарелло Ж. История усталости: от Средневековья до наших дней. 2024; Старобинский Ж. Чернила меланхолии. 2024; Мюшембле Р. Оргазм. Или Любовные утехы на Западе. История наслаждения с XVI века до наших дней. 2025.
  - 3 Shouse E. Feeling, Emotion, Affect // M/C Journal. 2005. Vol. 8. № 6 (URL: <https://journal.media-culture.org.au/index.php/mcjournal/article/view/2443>).
  - 4 Massumi B. Notes on the Translation and Acknowledgements // Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. xvi.

с этим открывает для себя новые режимы восприятия культуры и внимания к ее нюансам.

Обыденное выражение «находиться в состоянии аффекта» означает пребывание в неких предельных состояниях и ситуациях экссесса. Но полное «отсутствие» аффекта, часто характеризуемое как апатия или бесчувствие, также является своего рода пределом. Эмоции и чувства в самом общем смысле представляются тем, что хотя и не является аффектом как таковым, но не лишено аффективной природы и может существовать в промежуточных состояниях и пространствах на пересечении с аффектами. Таким пространством и является **культура**.

На протяжении всей истории человечества культурная сфера преимущественно базировалась на аффекте, чувствах и эмоциях. Остановимся подробнее на последних. Сара Ахмед в своей одновременно фундаментальной и неортодоксальной «Культурной политике эмоций» (2004/2014) называет эмоции «плотью» времен⁵:

[Эмоции] показывают нам, что время, необходимое для перемещения или движения вперед, превышает время жизни отдельного человека. Через эмоции прошлое остается на поверхности тел. Эмоции демонстрируют, как истории остаются живыми, даже когда они осознанно не запоминаются; как истории колониализма, рабства и насилия формируют жизни и миры в настоящем. Время эмоций не всегда связано с прошлым и тем, как прошлое к нам прилипает. Эмоции также открывают будущее, поскольку они включают в себя различные ориентации по отношению к другим. Требуется время, чтобы понять, что мы можем делать с эмоциями. Конечно, когда мы говорим об эмоциях, мы говорим не только об эмоциях. Объекты эмоций скользят и прилипают, они соединяются с интимными историями тел, с публичным измерением справедливости и несправедливости. Справедливость — это не просто чувство. И чувства не всегда справедливы. Но справедливость включает в себя чувства, которые перемещают нас по поверхности мира, создавая колебания в интимных контурах наших жизней. Куда мы идем с этими чувствами, остается открытым вопросом.

Здесь можно представить продуктивный диалог между «аффективным поворотом» и культурной историей эмоций, чуткой к чувственному измерению прошлого. Так, *эмотивы*⁶ — эмоциональные акты (по аналогии с речевыми) —

---

5 Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 202.

6 Используемые понятия: «эмотивы», «эмоциональные стандарты», «эмоциональные режимы», «эмоциональные сообщества», «эмоциональные репертуары», «эмоциональные страдания», «навигация чувств» и «эмоциональные убежища» отсылают к разным, но пересекающимся и взаимодополняемым традициям внутри культурной истории эмоций. Об «эмотивах», «эмоциональных режимах», «эмоциональных страданиях», «навигации чувств» и «эмоциональных убежищах» см. Reddy W.M. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. New York: Cambridge University Press, 2001. Об «эмоциональных стандартах» см. Stearns P.N., Stearns C.Z. *Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards* // *The American Historical Review*. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836. Об «эмоциональных сообществах» см. Rosenwein B.H. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. Об «эмоциональных репертуарах» см. Зорин А. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

при помощи перформативного нормополагания формируют *эмоциональные стандарты*, которые расширяются до *эмоциональных режимов* (диктаторских, демократических, авторитарных, тоталитарных, революционных, национальных и т.д., которым соответствуют аналогичные политические режимы) и распространяются на целые *эмоциональные сообщества* (семья, приход, двор, салон, нация, представители одного гендера или сексуальной ориентации, а иногда и целая цивилизация), оседая затем в конкретных *эмоциональных репертуарах*. Репрессивность ряда «режимов» порождает *эмоциональные страдания*, которые побуждают задействовать *навигацию чувств* и искать *эмоциональные убежища* в новых формах и логиках чувствования. Сегодня дискуссия об эмоциональных убежищах и других формах чувственного эскапизма представляется особенно своевременной.

В современной публичной сфере язык чувственных переживаний все чаще одерживает верх над рациональной риторикой, что может приводить и к другой крайности: возникновению «интимных публичных сфер»⁷. Этот оксюморон (поскольку интимная сфера противопоставлена публичной в соответствии с классическим определением Хабермаса⁸) означает своеобразное слияние личных, публичных, культурных и идеологических идентичностей, обусловленное деприватизацией эмоций и (политической) необходимостью выражать определенные чувства и привязанности публично.

В противовес подобному процессу иерархической и организованной циркуляции эмоций, конструирующей в обществе отношения различия и замещения, которую Ахмед назвала «аффективной экономикой»⁹, мы предлагаем использовать вспомогательное понятие внутреннего аффективного, или **чувственного опыта**. Встречаясь друг с другом, с другими и чужими голосами, образами и текстами в пространстве культуры, мы не стремимся определить аффект, эмоции, страсти, сентименты и ощущения с помощью какой-либо одной из известных нам -логий, а задаем вопрос: как ты себя чувствуешь? Как себя чувствую я? Именно этот вопрос может стать отправной точкой как для развития и углубления теорий, так и для новых описаний, исследований и процессов¹⁰.

Мы понимаем чувственный опыт как многообразие реакций и испытываемых состояний, будь то психические или соматические, краткосрочные или долгосрочные, сознательные или бессознательные, легко наблюдаемые или незаметные, почти неразличимые. В связи с этим культура будет рассматриваться нами как живое пространство для артикуляции чувственного опыта, связующего различные объекты, перспективы, самих людей, их отношения, ощущения и чувства. Говоря феноменологически, она обеспечивает выражение единства сознания и мира, наполняющее человека чувством самой жизни, в том числе жизни среди многих разных других и вместе с ними.

---

7 См. введение к *Berlant L. The Queen of America Goes to Washington City. Essays On Sex And Citizenship*. Durham; London: Duke University Press, 1997.

8 «Сентиментальность по отношению к личности и соответствующий цинизм по отношению к институтам <...> подрывают способность субъекта к рациональной критике публичной власти» (*Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: The MIT Press, 1991. P. 172).

9 *Ahmed S. Affective Economies // Social Text*. 2004. Vol. 22. № 2 (79). P. 119. Перевод этой статьи см. в настоящем выпуске.

10 *Cvetkovich A. Depression: a Public Feeling*. Durham; London: Duke University Press, 2012. P. 4–5.

В этом тематическом номере мы хотим не только сопоставить теории аффекта, культурную историю эмоций, исследования чувственного в литературе, кинематографе, философском письме, личном опыте и публичной сфере, но и отвлечься от дихотомии *чувства vs рассудок*, некогда привычной для культурной антропологии и феноменологии. Вопросы, которые мы ставили перед авторками и авторами спецвыпуска: что нового в условиях «аффективного поворота» могут сказать о культуре исследования чувственных феноменов? Как аффект, эмоции и чувства способны трансформировать субъективное восприятие культуры? Какую роль они играют в производстве социальных и культурных норм? Способны ли проявления чувств в разных исторических, культурных, социальных и политических условиях субверсировать властные иерархии и отношения? Являются ли безразличие и равнодушие просто отсутствием чувств или производными культурных и социальных обстоятельств? Какие новые формы чувствования создаются при помощи современных технологий? Почему чувственный опыт становится одновременно местом фиксации культурных травм и их преодоления, пространством для пересмотра существующих нормативных порядков и удостоверения жизни?

Мы приглашаем читателей к (пере)осмыслению того, как чувства *живут* в культуре и как культура *живет* чувствами.